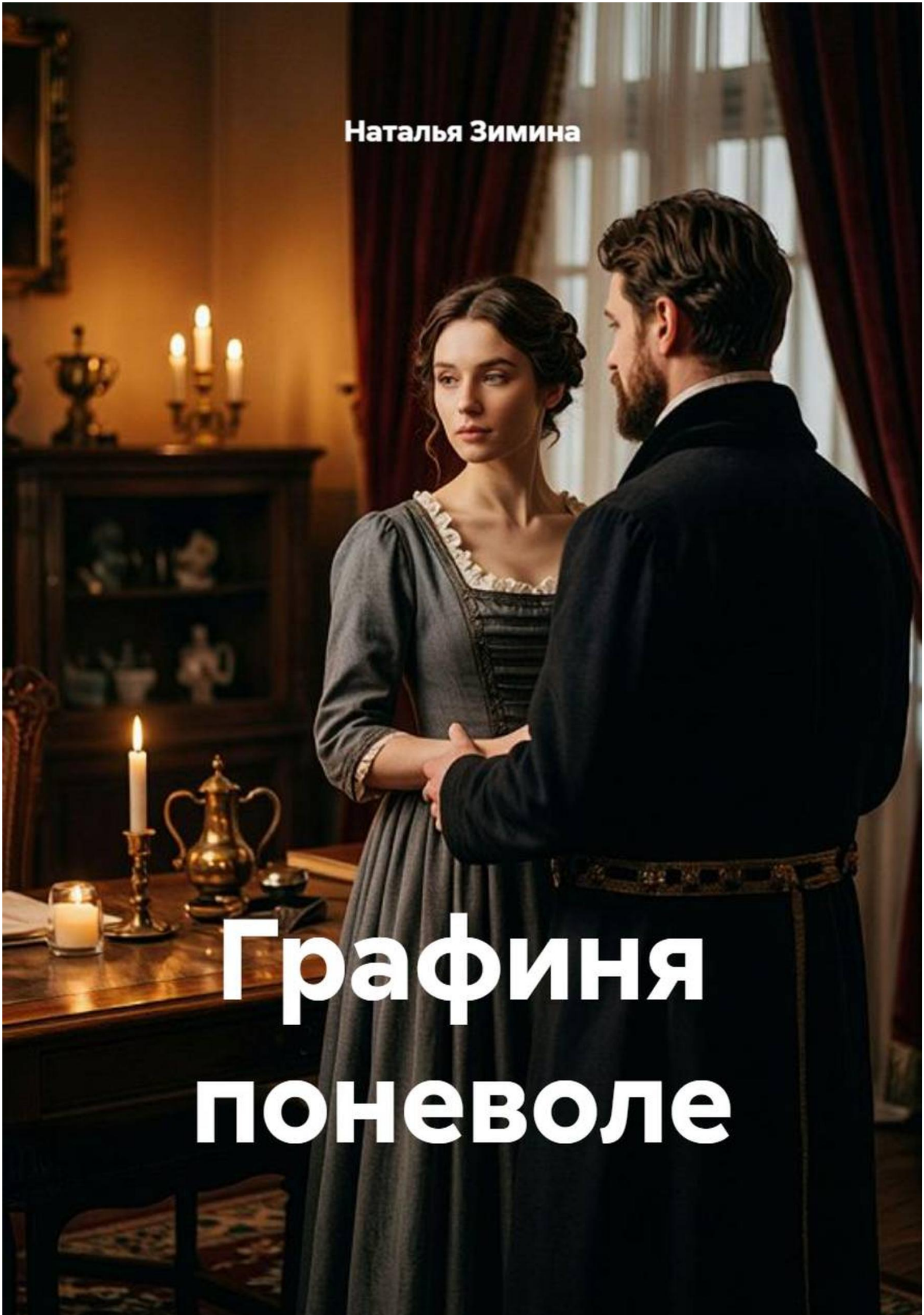
Наталья Зимина

Графиня поневоле

Наталья Зимина

Графиня поневоле

«Автор»
2026

Зимина Н. Ю.

Графиня поневоле / Н. Ю. Зимина — «Автор», 2026

Она уснула в электричке по дороге на работу — проснулась в 1885 году. В чужом теле, в чужом платье, в чужой свадьбе. Графиня Наталья Оболенская должна выйти замуж за князя, которого видит впервые. Проблема одна: Наталья — не Наталья. Она — Вера, тридцать два года, бухгалтер из Твери. И она понятия не имеет, как жить в мире без интернета, антибиотиков и права голоса. Историческое фэнтези о попаданке, которая решила: если уж жить в прошлом — то по-своему.

© Зимина Н. Ю., 2026
© Автор, 2026

Графиня поневоле

ГЛАВА 1. ЭЛЕКТРИЧКА

Вера Ковалёва опоздала на электричку в 7:14 — как всегда. Успела на 7:22 — как всегда. Села у окна, достала наушники, открыла подкаст «История Российской империи: быт и нравы» — не как всегда.

Обычно она слушала новости. Но сегодня — день рождения Натальи Оболенской. Бабушкиной бабушки. Родственницы, о которой в семье говорили шёпотом: «красавица», «бунтарка», «несчастная». Вера не знала о ней почти ничего — кроме того, что в 1885 году Наталья вышла замуж за князя Романа Оболенского и через год умерла при родах.

«Интересно, какая она была?» — думала Вера, глядя в окно. Электричка качалась, подкаст бубнил про балы и крепостное право, глаза закрывались.

Она уснула.

Проснулась от холода. Не от кондиционера — от сквозняка, который тянул откуда-то сверху. Открыла глаза.

Над ней — балдахин. Шёлковый, кремовый, с кистями.

Вера села. Кровать — огромная, резная, с резными же столбиками. Комната — с высокими окнами, тяжёлыми шторами и зеркалом в рост. На столике — керосиновая лампа. На стене — портрет мужчины в мундире.

— Что за..., — сказала Вера и услышала свой голос. Чужой. Выше. Мягче.

Встала. Подошла к зеркалу. Посмотрела.

Из зеркала смотрела девушка лет двадцати. Тёмные волосы, заплетённые в косу. Огромные карие глаза. Бледное лицо. Красивое — не по-современному, а по-старинному: тонкие черты, высокий лоб, грустный рот.

Вера подняла руку. Девушка в зеркале подняла руку. Подушечки пальцев коснулись щеки — холодная, гладкая, чужая кожа.

— Наталья, — сказали за дверью. Женский голос, старый, ворчливый. — Наталья Дмитриевна, пора вставать. Сегодня же ваш день. Князь уже выехал.

Вера — теперь уже Наталья — стояла у зеркала и не двигалась. Она читала достаточно попаданческих романов, чтобы понять, что произошло. Она просто отказывалась в это верить.

ГЛАВА 2. СВАДЬБА

Свадебное платье весило пуд. Вера знала это, потому что две горничные — Дуняша и Матрёна — надевали его на неё, как надевают рыцарские доспехи: с кряхтением, с усилиями, с комментариями («ручку, барышня, ручку согните», «не дышите, талию затянем»).

— Как вы себя чувствуете, барышня? — Дуняша — младшая, лет восемнадцати, круглая, как плюшка — смотрела с тревогой. — Вы бледная совсем. Опять всю ночь не спали?

— Спала, — сказала Вера. — Просто... мне приснилось, что я живу в будущем. Что там... женщины учатся в университетах. Выходят замуж по любви. Голосуют на выборах.

Дуняша захихикала. — Ох, барышня, какие вам сны! Голосуют! На выборах! Скажете тоже.

В 11:30 её посадили в карету. В 12:00 — церковь. В 12:30 — она стояла перед алтарём рядом с мужчиной, которого видела впервые в жизни.

Князь Роман Оболенский был высок, широк в плечах, с резким лицом и холодными серыми глазами. Тридцать два года. Отставной полковник. Владелец трёх имений и суконной фабрики. Жених, которого выбрал для Натальи её отец — Дмитрий Александрович Ветров, купец первой гильдии, человек, который продавал сало и покупал титулы.

«Наталья не красавица, — думал Роман, глядя на невесту. — Но приданое — полтора миллиона. Фабрика окупит себя за пять лет. А лицо... лицо я видеть не буду. Я живу в Петербурге, она — в имении. Классика».

«Он не смотрит на меня, — думала Вера. — Он смотрит сквозь. Как на мебель. На шкаф с приданым. Полтора миллиона, между прочим».

Они обвенчались.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ НОЧЬ

Ужин прошёл в тишине. За длинным столом — двое. Князь ел. Княгиня не могла.

— Вы не едите, — сказал Роман. Не вопрос — констатация.

— Не хочу.

— Врачам нельзя не хотеть. Я имею в виду — вам нельзя. Вы бледны. Вы, вероятно, истеричны после свадьбы. Это нормально. Я распоряжусь, чтобы вам приготовили валерьяну.

— Я не истерична. Я... не привыкла.

— К чему?

Вера посмотрела на него. Он вытирал рот салфеткой — аккуратно, не глядя на неё. Красивый. Холодный. Как витрина в ювелирном магазине: всё дорого, всё недоступно, всё за стеклом.

— К тому, что меня купили.

Роман отложил салфетку. Впервые за весь вечер посмотрел ей в глаза.

— Купили?

— А как это называется? Мой отец продал меня за полтора миллиона. Вы купили. Я — товар. Свадьба — сделка. Церковь — нотариус. Всё честно.

Он молчал. Потом сказал: — Вы думаете, я хотел этой свадьбы?

— Разве нет?

— Мне тридцать два. У меня нет наследника. Мой младший брат — идиот, который проиграл в карты половину имения. Мой долг — жениться и произвести потомство. Вы — лучший вариант на рынке невест этого сезона. Единственная дочь богатейшего купца Твери, с приданым, которое покроет мои долги.

— Как романтично.

— Я не романтик, Наталья Дмитриевна. Я — помещик, фабрикант и должник. Романтика — это для поэтов. А поэты, как известно, умирают от чахотки.

Он встал.

— Комнаты для вас приготовлены в восточном крыле. Моя спальня — в западном. Дверь между нами — заперта. Ключ — у меня. Я не буду вас беспокоить. Наш брак — сделка, как вы изволили заметить. Но сделка имеет условия: через год — наследник. После — живите как хотите.

Он ушёл.

Вера сидела за пустым столом и думала: «Попаданка. Я — попаданка. Я в 1885 году. Я замужем за человеком, который считает меня сделкой. У меня нет телефона, нет прав, нет возможности уйти. Что делают попаданки в романах? Обычно — влюбляют в себя князя. Хорошо. Посмотрим.

ГЛАВА 4. УТРО

Утро началось с Матрёны.

— Барышня! То есть — ваша светлость! То есть — княгиня! — Матрёна, старшая горничная, сорока лет, суровая, как контрольная по алгебре — внесла поднос с чаем. — Князь уже уехали. На фабрику. Сказали: завтрак — в девять. Обед — в два. Ужин — в семь. Распорядок не менять.

— А что обычно делает княгиня Оболенская... то есть — я... в течение дня?

Матрёна посмотрела с подозрением.

— Как — что? Завтракаете. Читаете. Вышиваете. Принимаете гостей. Ведёте хозяйство.

— Хозяйство?

— Ну да. Кухня, погреб, прислуга, закупки, сад, теплицы, птичник, скотный двор...

— Стоп. Скотный двор?

— Коровы, барышня. Коровы, телята, куры, гуси, утки. Двадцать голов крупного рогатого. Плюс конюшня. Плюс псарня.

Вера отставила чай.

— А если я скажу, что не умею вести хозяйство?

Матрёна всплеснула руками: — Господи! Да кто же вас не учил! Барышня купеческая, а не умеет! Что же теперь будет!

— Матрёна. Успокойтесь. Научусь. С чего начнём?

Матрёна посмотрела на неё. Долго. Внимательно. Потом сказала — впервые за всё утро — тепло:

— С погреба, ваша светлость. Если погреб в порядке — дом в порядке.

ГЛАВА 5. ПОГРЕБ

Погреб был больше, чем вся Верина квартира в Твери. Каменный, прохладный, с полками до потолка. На полках — банки с солениями, мочениями, варениями, квашениями. Полтора века семейных заготовок.

— Это — брусника, — Матрёна водила экскурсию с гордостью коллекционера. — Это — мочёные яблоки. Это — антоновка в меду. Это — квашеная капуста. Это — огурцы. Это — ещё огурцы. Это — холодец.

— А это? — Вера указала на банку с мутной жидкостью.

— Это — князь. В прошлом году сами солили.

— Князь... солил огурцы?

— Князь, ваша светлость, — человек странный. Когда не пьёт с друзьями и не воюет с приказчиками — руки занять надо. Огурцы — лучшее лекарство от дум.

Вера взяла банку. Огурцы были мутные, скользкие, с укропом и дубовыми листами. Она открыла. Понюхала. Пахло — детством. Не её — Натальиным. Пахло тем летом, которое не наступило.

— Хорошие, — сказала она.

— Самые лучшие, — согласилась Матрёна. — Князь в соленьях — мастер. В людях — не очень.

ГЛАВА 6. ДНЕВНИК

Вечером, после ужина (который опять прошла в одиночестве), Вера нашла в комоде дневник. Кожаный, потёртый, с бронзовой застёжкой. На первой странице — почерк Натальи: круглая аккуратная вязь.

«1 марта 1885 года. Сегодня папа́ сказал, что я выхожу замуж. За князя Оболенского. Я видела его один раз — на балу у Морозовых. Он танцевал не со мной. Он вообще ни с кем не танцевал. Стоял у колонны и смотрел. Как волк, которого привели на выставку собак.

Папа́ сказал: "Не капризничай. Князь — не человек. Князь — это фабрика, имение и название. Живи в Петербурге, рожай наследников, жди овдоветь".

Я не хочу. Я хочу учиться. Я хочу в медицинские курсы. Я хочу быть врачом, как читала в журналах. Но папа́ сказал: "Больных и так хватает. Иди — замуж".

Роман Петрович, если вы это читаете — я не хотела быть вашей сделкой. Но я буду хорошей женой. Потому что другой жизни мне не дали».

Вера закрыла дневник. Сидела на кровати, сжав его в руках. За окном — луна, лай собак, тишине ста лет.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Наталья. Я твоё тело верну тебе живой. А пока — пожить позволь мне. По-моему.

ГЛАВА 7. ЗАВТРАК С КНЯЗЕМ

На третий день Вера спустилась к завтраку в семь утра. Князь уже сидел за столом — газета, кофе, яичница. Он поднял глаза.

— Вы рано.

— Я всегда рано. Просто вы раньше не замечали. Вы вообще много чего не замечаете.

Роман отложил газету.

— Например?

— Например, что ваша повариха пересаливает. Что Дуняша плачет по ночам — у неё жених в армию ушёл. Что в конюшне третий день нет овса — приказчик говорит "задержка", а сам играет в карты с вашими деньгами.

Князь смотрел. Молчал.

— Откуда вы знаете про овёс?

— Я ходила в конюшню. Я вообще хожу везде. Это моё... хобби. Ходить и смотреть.

— Раньше вы не ходили.

— Раньше меня не было. То есть... я болела. Долго. Теперь — выздоровела. И увидела: ваш дом — это не дом. Это предприятие, которое никто не ведёт. Повариха пересаливает. Горничные спят на кухнях. Овса нет. В погребе — брусника, а в тарелке — солёная рыба три дня подряд.

Роман медленно отложил вилку.

— Что вы предлагаете?

— Меня нанять.

— Вы — моя жена.

— Я — ваш бухгалтер. По образованию. По призванию. По прошлой жизни. Я умею считать, планировать и находить, где воруют. Хотите — проверьте: дайте мне смету на неделю. Я скажу, где неправда.

Он посмотрел на неё — впервые не сквозь, не мимо. На неё.

— Хорошо. Смета будет к вечеру.

— И ещё. Овёс — сегодня.

— Сегодня — суббота.

— Значит, в понедельник лошади сдохнут. Или скажите приказчику, что я приду сама.

Князь Оболенский — отставной полковник, человек, который командовал ротой и держал в страхе уезд — посмотрел на свою жену, которую знал четыре дня, и сказал: — Я распоряжусь.

ГЛАВА 8. СМЕТА

Смета пришла в шесть вечера. Вера закрылась в библиотеке, взяла счётную книгу и начала считать.

Овёс: 340 пудов × 80 копеек = 272 рубля. В смете — 340 рублей. Разница — 68 рублей. Значит, дело не в пудах: цена — не 80 копеек, а рубль. Приказчик завысил не количество, а цену — по строке, тихо, по-семейному.

Мука: 120 пудов × 1 рубль 20 копеек = 144 рубля. В смете — 180. Разница — 36.

Мясо: 18 пудов × 3 рубля = 54. В смете — 80. Разница — 26.

Итого за месяц — около трёхсот рублей сверху. Три тысячи шестисот в год. Цена хорошей коровы. Или двух.

— Приказчик, — сказала Вера, закрывая книгу. — Ну конечно.

Она нашла Романа в кабинете — он разбирал письма.

— Ваш приказчик ворует. Триста рублей в месяц. Три тысячи шестьсот в год. Вот расчёт.

Она положила книгу на стол. Роман посмотрел на колонки цифр — аккуратные, точные, с выводами.

— Вы уверены?

— Я — бухгалтер. Я всегда уверена.

— А если я скажу, что приказчик — мой крестник. Сын человека, который спас мне жизнь на Кавказе?

— Тогда я скажу: крестник ворует у крестного отца. Это хуже, чем если бы воровал чужой.

Роман молчал. Потом сказал: — Вы правы.

Он знал. Конечно, знал. Просто не хотел видеть. Потому что уволить крестника — это обидеть человека, который вытащил тебя из-под пули.

— Я поговорю с ним, — сказал Роман.

— Поговорите. А я тем временем посчитаю, сколько вы сэкономите, если его заменить.

ГЛАВА 9. КОНЮШНЯ

Овёс пришёл назавтра. Вера пошла смотреть.

Конюшня была чистой, ухоженной — здесь не воровали, здесь работали. Конюх Прохор — старик с бородой до пояса — увидел княгиню и снял шапку.

— Ваше сиятельство. Лошадок смотреть изволите?

— Прохор, а какая у вас любимая?

Прохор просиял: — Ветер! Вон тот, вороной. Княжеский, злой. Никого к себе не подпускает. Только князя. И то — с кулаками.

Вера подошла к стойлу. Вороной жеребец — огромный, чёрный, с белой звездой во лбу — повернул голову. Посмотрел. Фыркнул.

— Он кусается, ваше сиятельство!

Вера протянула руку. Ладонью вверх. Не двигаясь.

Жеребец смотрел. Потом — медленно, нехотя — опустил морду к ладони. Тёплое дыхание. Мягкие губы. Сахар.

— У вас сахар? — Прохор ахнул. — Он сахар берёт! Он ни от кого сахар не берёт!

— Прохор, — сказала Вера, почёсывая жеребца за ухом. — А расскажите мне про Ветра.

ГЛАВА 10. ВЕТЕР

Прохор рассказал. Ветер — сын знаменитого скакуна Орла, которого князь выиграл в карты у самого графа Шереметева. Орёл умер три года назад. Ветер остался — единственным напоминанием о том, что князь когда-то был молодым, безрассудным и счастливым.

— Князь раньше каждый день верхом ездил, — Прохор вздохнул. — До женитьбы. До долгов. Теперь — только по делам. А Ветер стоит. Злой. Скучает.

Вера приходила в конюшню каждый день. Ветер привык к ней за неделю — сначала брал сахар, потом позволял чесать шею, потом клал морду ей на плечо. Прохор крестился: «Ох, ваше сиятельство, он вас любит. Он никого не любит!»

Роман узнал об этом от Прохора. Пришёл посмотреть. Стоял в дверях конюшни — молча. Его вороной жеребец — злой, кусающийся, не подпускающий никого — стоял смирно, пока его жена чесала ему за ухом.

— Он вас любит, — сказал Роман.

— Я знаю.

— Меня он не любит.

— Может быть, вы не пробовали сахар.

Роман посмотрел на неё. Она стояла в луче света, падающем из окошка, рядом с жеребцом, который был размером с её старую квартиру. Волосы выбились из причёски. На щеке — сено.

— Вы не такая, как была, — сказал он.

— Я другая.

— Вижу.

Он ушёл. Вера осталась. Ветер дышал ей в шею — тёпло, доверчиво, как дышат те, кого редко любят.

ГЛАВА 11. ФАБРИКА

Через две недели Вера попросила: покажите фабрику.

Роман удивился: — Зачем вам фабрика?

— Я хочу понять, на чём мы живём.

Суконная фабрика Оболенских работала в две смены. Триста рабочих. Пятнадцать станков. Паровой двигатель — гордость князя, купленный в Англии за большие деньги.

Вера шла по цеху. Шум — оглушающий. Запах — краска, шерсть, масло, пот. Рабочие — мужчины, женщины, подростки. У всех — серые лица, серые руки, серая жизнь.

— Сколько получают? — спросила Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.